

ИСТОРИИ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XXI в.

В СВЕТЕ КНИГИ Г. ИГГЕРСА и Э. ВАНА
«ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ»*

Автор размышляет о подходах и способах написания истории историографии в свете книги Г. Иггерса и Э. Вана «Глобальная история современной историографии». В статье представлен анализ глобальной перспективы историографического знания, трудностей, особенностей и критериев компаративного изучения различных историографических культур и традиций.

Ключевые слова: история исторического знания конца XVIII – начала XXI в., историография, глобальная история, Г. Иггерс.

Одной из перемен, произошедших в мире за два последних десятилетия, стало повышенное внимание к всемирной и глобальной истории¹, в значительной мере обусловленное политическими и социально-культурными трансформациями второй половины XX – начала XXI в. (крушение колониальных систем, окончание «холодной войны», развитие интеграционных процессов)² и наметившимися в этом контексте интеллектуальными сдвигами. В историографической практике это означало выход за пределы национальных границ и растущую тенденцию рассматривать Запад всего лишь как один из многочисленных культурных и интеллектуальных миров. Показателем последнего может служить книга профессора Чикагского университета Дипеша Чакрабарты «Провинциализация Европы», в которой автор пытается продемонстрировать узость западного взгляда на историческое развитие, признающего только одну форму современности³. Возросшее сотрудничество западных и незападных ученых, приглашение последних на работу в крупные научные и учебные центры Западного мира, а также международный характер целого ряда исследовательских проектов – явления того же порядка.

Своеобразным маркером поворота к всемирной и глобальной историям стало появление двух научных журналов. Первым из них является основанный в 1990 г. «Журнал мировой истории» (Journal of World

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в новое время» (№ 10-01-00403а).

¹ О дискуссии по поводу вариантов всемирной истории и их развитии в исследованиях последних лет см.: Manning. 2003. См. также очень лаконичную статью: Bentley. 1998. P. 968–970 и его же: 2002. P. 393–416; Sachsenmaier. 2006.

² См.: Bentley. 1996.

³ Chakrabarty. 2000.

History), выходящий под редакцией Джерри Бенгли, вторым – основанный в 2006 г. и выходящий под редакцией Уильяма Кларенс-Смита (William Clarence-Smith) «Журнал глобальной истории» (Journal of Global History), в передовице к первому номеру которого отмечалось, что за два последних столетия «все историографические традиции стремились либо превознести возвышение Запада, либо отреагировать на него», теперь же возникла потребность в истинно глобальной истории, основанной на «строгой научности»⁴. Пока еще не совсем ясно, чем отличаются эти два журнала, а также понятия «всемирная история» и «глобальная история», равно как и отсутствует консенсус по поводу того, что именно представляет собой «глобальная история», и с какого времени можно говорить именно о глобальной истории⁵. Термин «глобальная история» частично совпадает с «всемирной историей» и очень часто подменяется ею, хотя глобальная история все-таки, как правило, обращается именно к периоду глобализации, начавшемуся с конца XV в. и ставшему особенно интенсивным в последней трети XX в., в то время как всемирная история интересуется и более ранними историческими периодами⁶. Вместе с тем, как показывает практика, разведение их по данному критерию не всегда оправдывает себя. Тема глобальной истории находит отражение и на последних Международных конгрессах исторических наук: на XIX МКИН в Осло⁷, и на XX МКИН в Сиднее всемирной и глобальной истории были посвящены отдельные секции. Стали появляться и монографические исследования, например книга Патрика Мэннинга «На волнах мировой истории: историки создают глобальной прошлое»⁸, в которой высказана мысль о том, что сегодня перед занимающимися всемирной историей стоит задача «увязать в когерентном анализе теорию, логику и факты с целью развития широкой, толковательной и доказательной оценки имевших место в прошлом преобразований и связей»⁹.

Глобальная история является очередной попыткой «на новом теоретическом уровне вернуться к интегрирующему взгляду на историю»¹⁰. Причем интерес к глобализации – интернациональный феномен¹¹. Рефлексия о границах националистической парадигмы, а также

⁴ O'Brien. 2006. P. 3–39.

⁵ Hopkins. 2002. P. 11–46.

⁶ См.: Sachsenmaier. 2006. P. 451–470.

⁷ Наиболее значимые материалы Конгресса в Осло были опубликованы как: Making Sense of Global History (Oslo, 2001).

⁸ Manning. 2003.

⁹ Ibid. P. 36.

¹⁰ Ретина. 2008. С. 177.

¹¹ См.: Sachsenmaier. 2004)

развитие в стране новых исследовательских областей, которые не вписываются в национальную структуру¹², приводят к выходу за национальные границы индийских ученых. Эта тенденция характерна для историков в Китае и в Японии, и даже на Ближнем Востоке, несмотря на национально-ориентированное историографическое наследие.

Между тем, как отмечают в своей книге Г. Иггерс и К. Ван¹³, присутствует определенное противоречие между явной глобализацией исторических исследований и столь же явным отставанием от этого процесса историй историографии, которые по-прежнему пишутся либо в национальном, либо в западно- и европоцентричном ключе, а исследования, рассматривающие историческую мысль сравнительно и в глобальной перспективе, пока отсутствуют¹⁴. Иггерс приводит только два примера попыток написания всемирной и межкультурной истории историографии, которые, по-видимому, можно считать как исключениями из общего правила, так и признаками наметившегося желания заполнить образовавшуюся лауну. Первый был инициирован канадским историком Даниэлем Вульфом в обширной статье «Историография» в «Новом словаре истории идей» (*New Dictionary of the History of Ideas*)¹⁵, заменившей статью выдающегося британского историка и историографа Герберта Баттерфилда в «Словаре истории идей» (*Dictionary of the History of Ideas*)¹⁶. Его эссе, в котором он сделал обзор всемирного историописания, начиная с ранних времен и до сегодняшних дней, рассматривалось в качестве проспекта многотомной Оксфордской всемирной истории историографии (*Oxford History of Historical Writing*), в настоящее время успешно реализуемой большой командой специалистов по различным историческим культурам. Проект Вульфа исходит из отказа от свойственной предшествующим историям историографии идеи центральности и нормативности западной мысли и настаивает на равноценности всех исторических культур. Вторым является краткий обзор истории историописания, выполненный Маркусом Фёлкелом¹⁷, предпринявшем попытку на менее чем 400 страницах дать глобальное представление об исторических культурах, начиная с древности¹⁸.

¹² Ср.: Appadurai. 1996.

¹³ Iggers, Wang. 2008. P. 1.

¹⁴ Ibid. P. 2.

¹⁵ Woolf. 2005. P. xxxv-lxxxviii.

¹⁶ Butterfield. 1973. P. 464–498.

¹⁷ Völkel. 2006.

¹⁸ Можно привести также два справочных издания: *Encyclopedia of Historians and Historical Writing...* и *Lexikon Geschichtswissenschaft...*

Книга Иггерса и Вана, хотя и вписывается по замыслу в эти проекты, иная: как отмечают авторы, «имея отношение ко времени, когда растущие взаимодействия (между историографическими культурами – *О. В.*) уже позволяют проводить сравнения, она подчеркнута компаративна»¹⁹. Ее целью является изучение взаимодействия и трансформации западных и незападных историографических традиций, исторического мышления и историописания в глобальном контексте в конце XVIII– начале XXI в., когда, по мнению авторов, контакты между историками разных культур не только перестали быть затруднительными, но и стали постоянными. Основная задача книги – на основе компаративного подхода сконструировать коэкзистенциальное историографическое целое человечества, показать единство его многообразия.

Помимо того, что появление такого рода книги само по себе является событием, она интересна не только в содержательном (в ней можно найти много интересного материала, позволяющего углубить, а в чем-то и поменять свои представления об истории исторического знания в последние два столетия), но и в теоретико-методологическом плане, и второй не менее (а может и более) интересен, чем первый. Речь идет о способах написания истории историографии и шире – о проблемах историографии как науки в условиях происходящих перемен.

Понимание Иггерсом предмета историографии не ограничивается изучением процесса написания истории профессиональными историками (как было принято с момента институализации исторической науки и вплоть до недавнего времени). Нельзя назвать ее и традиционной историей исторической науки, хотя важное место в ней занимают интеллектуальные сообщества, специфика их формирования, структура коммуникативных сетей, образцы деятельности, конвенции по поводу содержания и специфики познания, образовательные практики, при помощи которых осуществляется трансляция знания и т.п. На первое место в книге выходит опыт осмысления историками реальности, а также ее восприятия современниками и способов передачи потомкам – другими словами, осмысление механизма получения исторических знаний, генезиса, функционирования и трансформации массовых исторических представлений. Таким образом, автоматически актуализируются проблемы исторической памяти как культурного механизма накопления и трансляции исторической информации о прошлом общества. При этом историческая память мыслится как феномен, имеющий функцию не только производства, сохранения и передачи исторической

¹⁹ *Iggers, Wang. Op. cit. P. 2.*

информации, но и формирования и поддержания коллективной идентичности. Одним из наиболее ярких примеров корреляции между памятью и идентичностью является история Индии: «Нации типа Индии, никогда не существовавшие как таковые, сконструировали себя при помощи истории, часто используя воображаемые, вымышленные картины своего прошлого для оправдания своего настоящего. Историческая наука играет важную роль в конституировании такой национальной памяти»²⁰. Впрочем, примеры бытования историографии как сгустков исторической памяти, равно как и использования историографии для поддержания национальных мифов присутствуют в каждой стране.

Сказанное наводит на ряд мыслей. Во-первых, очевидно, что под влиянием процессов глобализации, столкновения разных историографических традиций, а также изменения за последние сорок лет эпистемологического горизонта исторической науки происходит заметная трансформации образа историографии, ее проблемного поля и предмета. Как справедливо заметил С. И. Посохов, последний можно понимать узко (ограничивая его лишь комплексом профессиональных знаний), а можно широко (расширяя его до пределов исторического сознания); можно изучать институты, а можно – процесс²¹. Однако в своем широком понимании – и как история исторической мысли, и как история исторического знания, и как история исторической науки – историография явно становится интеллектуальной историей, «изучающей процесс осмысления исторического прошлого, его объяснительные модели и традиции историописания». Причем, приобретая этот специфический ракурс, история историографии неизбежно заимствует подходы и методы этого направления современных исторических исследований.

Во-вторых, как свидетельствует текст Иггера и Вана, основной недостаток большинства историй историографий состоит, видимо, в том, что историческая наука в них воспринимается в отрыве от контекста, от исторической культуры общества. Написанная же в ракурсе интеллектуальной истории история историографии неизбежно становится контекстуальной. Еще раз процитирую авторов книги: «Важно в сравнительном и интеллектуальном ключе исследовать организационную структуру исторической науки и преподавание истории в новое время; например, разработку дисциплин университетского цикла для профессиональных историков, правительственную поддержку этих инноваций, место исторической науки в формировании политической позиции среднего класса и влияние на историописание научно-популярных идей

²⁰ См.: *Iggers, Wang*. Op. cit. P. 3–4; см. также P. 237–238.

²¹ *Посохов*. 2008. С. 243–245.

типа теории социального дарвинизма в конце XIX – начале XX в.)²². Не менее важно, с точки зрения Иггерса и Вана, и для кого пишется история, то есть как меняется ее аудитория, каковы школьные учебники и какое место в них занимают данные современных академических исследований, какой образ прошлого посредством этих учебников хотят сформировать власти и почему, какова в создании и тиражировании этого образа роль средств массовой информации и т.д. Таким образом, речь идет не об одном, а о множестве разных и весьма подвижных контекстов как внутри профессионального знания, так и вне его – институциональном, социально-политическом, культурном и интеллектуальном контекстах; и эти контексты неизбежно пересекаются и взаимодополняются, а порой и противоборствуют²³. И на все это накладывается еще одно неизбежное качество этих контекстов, а именно их бытование сразу в двух временах – прошлом и настоящем, контекстах исследуемых историографических культур и контекстах самого историографа. Думается, что помимо очевидной значимости такая контекстуальная нагруженность глобального историографического исследования важна и с точки зрения того, что такой текст сразу же приобретает качество «двойного кодирования», то есть способен помимо воли историографа проговариваться о том, о чем он по разным причинам умалчивает.

В-третьих, создание глобального образа историографического прошлого в ракурсе интеллектуальной истории не может не актуализировать вопрос о ремесле историка историографии, его роли в сложном и достаточно проблематичном диалоге с разными историографическими культурами и традициями историописания и их синтезе в единый образ. Традиционная проблема компетентности исследователя (интеллектуальный ресурс и особенно методологическая грамотность, в том числе знание и понимание вариативности формата историографического диалога с вытекающими отсюда методологическими импликациями; широта взгляда, добросовестность и т.д.) приобретает здесь дополнительную сложность. Ведь историк глобальной историографии для достижения своей цели осуществляет разноуровневые виды коммуникативных практик с представителями разных культур и цивилизаций одновременно, а это обязывает его к определенной «универсальности»: к пониманию множественности существующего прошлого, конкретно-временной и локально-пространственной специфики историографии, подвижности и условности историографических границ, возможности

²² *Iggers, Wang*. Op. cit. P. 5.

²³ Важные замечания о роли контекста в историографическом исследовании см. в: *Сидорова*. 2011. С. 593–601.

несовпадения научного пространства с национальными границами; к вариативности способов моделирования историографического прошлого, а также к осознанию важности хронологического компонента в глобальном историографическом исследовании и асинхронности развития историографий; умению видеть и выделять типологическое разнообразие образов в мировой историографической практике, строить классификационные схемы процесса исторического познания. Наконец, неизбежным становится формулирование задач в области историографической компаративистики, выработка критериев сопоставления значимых параметров исследования, к чему мы еще вернемся ниже.

Пока же очевидно, что необходимость решения указанных выше исследовательских задач не только предъявляет к историографу глобальной историографии ряд требований, но и накладывает на него серьезную ответственность, в том числе принуждая его к постоянному позиционированию собственной исследовательской позиции, просто не позволяя ему остаться в роли стороннего наблюдателя. Показательным в этом смысле может быть намеренная экспликация авторами двух исследовательских установок, представляющих своего рода канву книги и придающих ей внутреннее единство: 1) отказ от европоцентризма, предполагающий признание того, что «историческое сознание не являлось привилегией Запада и присутствовало во всех культурах», и 2) защита процедуры рационального исследования, которую некоторые постмодернистские и постколониальные мыслители объявляют ответственной чуть ли не за все беды современного мира²⁴.

«Мы полностью осознаем, – пишет Иггерс, – границы рационального исследования, невозможность получения однозначных ответов на вопросы, во что еще верили профессиональные историки XIX века. Мы признаем, до какой степени исторические суждения отражают разные, порой противоположные точки зрения, что бросает вызов убедительной доказательности. Едва ли возможно восстановить прошлое с ясной уверенностью в подлинности такой реконструкции, но вполне возможно показать ошибочность исторических суждений, политико-идеологическую обусловленность определенных искажений. <...> Но если мы верим в то, что в истории существует реальный стержень, что прошлое населено реальными людьми, то это значит, существуют способы приближения этой реальности, возможно, несовершенные и обманчивые, как и любое восприятие. <...> Они обогащают нашу картину прошлого, но тем не менее остаются объектом критической проверки на предмет соответствия таким принятым в научном сообществе стандартам как опора на эмпирику и логическая связность. <...> Каждый историк имеет право исповедовать определенные этические или политические убеждения, так или иначе окрашивающие его восприятие истории, но это не позволяет ему или ей изо-

²⁴ См., напр.: *White*. 1973. P. 2; *Nandy*. 1995. P. 44.

бретать прошлое, не имеющее под собой никакой реальной основы. <...> Историописание имеет много общего с художественной литературой, но все же отличается от нее, хотя частично они и совпадают друг с другом. Да, историописание включает в себя элементы воображения, а серьезная литература всегда отсылает к реальности. Но последняя не связана теми исследовательскими стандартами, которыми руководствуется сообщество ученых»²⁵.

Что касается критериев глобального историографического исследования, то думается, что отчасти методологические проблемы глобальной историографической компаративистики созвучны тем, с которыми сталкиваются сравнительные исследования, проводимые в более узких рамках, национальных или региональных. Вместе с тем, обращение только к той тематике и проблематике, которая уже изучена в локальном контексте, а теперь апробируется и сопоставляется в разных, как правило, несхожих географических, экономических, социально-политических и культурных контекстах, явно недостаточно. Для структурирования канвы глобального историографического исследования, по-видимому, необходимо обращение к таким критериям-феноменам, которые сами по себе выходят за национально-региональные рамки. Другими словами, глобальная историография должна представлять собой не сумму национальных или региональных историографий, а ориентироваться на сравнительный анализ развития историографических культур в контексте общих для человечества тенденций и процессов. Именно сравнения и взаимосвязи представляют собой доминирующий способ выражения глобальной истории историографии.

В книге Иггерса и Вана таковыми являются процессы глобализации и модернизации (они не идентичны, но взаимосвязаны). Первый из них, по мнению авторов, на данный момент прошел через три фазы, каждая из которых оказала существенное влияние на процесс историописания. *Первая фаза глобализации* была связана с появлением мировой капиталистической экономики и началом западной колонизации, в ходе которой Запад, однако, еще не был способен проникнуть в устойчивые и стабильные государства Западной и Восточной Азии. И именно эта фаза, предшествовавшая успехам индустриализации и имперской власти в XIX в., дает больше примеров наличия глобальной перспективы в историописании, чем вторая. *Во второй фазе*, связанной с периодом активной колониальной экспансии и нарушением политического, военного, экономического и цивилизационного равновесия в мире, произошло существенное сужение исторического мировидения. Центром внимания историков отныне стала Европа, а к остальному

²⁵ *Iggers, Wang. Op. cit. P. 15–16.*

миру подходили с позиции европейского господства. Проникновение основных достижений в области науки, технологии, философии, литературы, искусства, музыки и, конечно, экономики шло в этот период в направлении Запад-Восток. Специальные исследования так называемых восточных культур по-прежнему проводились, но никак не интегрировались в картину всемирной истории. Наступление *третьей фазы* было связано с ответом на глобальные перемены, которые произошли в мире после окончания Второй мировой войны: крушение колониальных систем, возникновение феномена неокOLONIALИЗМА, появление новых информационных технологий, распад двуполярного мира и т.д. На процессе историописания это сказалось таким образом, что отныне особое внимание было обращено на незападный мир и социокультурные аспекты исследований. Модернизация, по мнению авторов книги, заключалась в разрыве с традиционными способами мышления и институтами, формами политической, экономической и социальной организации, а также секуляризацией сознания. Наибольших результатов этот процесс достиг на Западе, но ни в коем случае не ограничился им.

Предложенное видение мирового историографического процесса упрощает сложный процесс его развития (что, вероятно, неизбежно, и о чем догадываются сами авторы²⁶). Не менее очевидно, и то, что подобный образ глобальной историографии мог появиться только в западной историографической культуре. Ибо он фиксирует значимые именно для западной исторической мысли события и процессы и отклики на них западных сообществ и историографических культур. Впрочем, именно такую задачу и ставили перед собой авторы. Можно только догадываться, что представителям других историографических культур все эти процессы могут видеться (и скорее всего так оно и есть) совсем в другом свете. К сожалению, сегодня мы не располагаем достаточным количеством текстов, чтобы хоть как-то ответить на этот вопрос. Подавляющее большинство работ, так или иначе эксплицирующих подходы к транснациональным историческим и историографическим исследованиям, написаны на Западе или западными учеными²⁷. То же относится и к региональной истории. До сих пор не существует ни одного полного обзора историографических традиций и их современных трансформа-

²⁶ Iggers, Wang. Op. cit. P. 3.

²⁷ См. новаторские в этом плане работы: McNeill. 2002; World Historians and their Critics...; World History... Обсуждение важных методологических вопросов см. в: A Place in the World... Две работы остаются классическими на протяжении почти столетия: Gooch. 1913 – посвященная историкам Европы и США, и Fueter. 1911 – которая покрывает европейскую историографию со времен Реформации.

ций в Восточной и Юго-Восточной Азии²⁸, Латинской Америке²⁹, Африке³⁰. Исключение на данный момент составляет, по-видимому, только исламская историография³¹. Таким образом, сегодня, когда появляются только первые опыты написания региональной и всемирной историографии, вряд ли можно ответить на вопрос, как в принципе преодолеть видение мирового историографического процесса изнутри собственной историографической традиции, и, если это невозможно сделать полностью, хотя бы за счет чего можно избежать крайностей этого видения.

Не менее интересно, на наш взгляд, и другое. Предваряющее анализ взаимодействия западной и локальной историографических культур в каждом конкретном регионе описание существовавших до этого момента традиций в книге Иггерса и Вана позволяет предположить, что отдельные историографические феномены и тенденции принадлежат всему человечеству или, по крайней мере, отдельным его частям, а не только Западу. Другими словами, в разных историографических культурах просматриваются такие черты их сходства, которые не могут быть объяснены фактом их взаимодействия.

Если говорить в самом общем виде, то, прежде всего, следует отметить тот факт, что всем традициям исторического мышления свойственны три признака: 1) все они отсылают к классическим моделям отдаленной старины, которые и задали им способ постижения и написания истории; 2) классическое происхождение каждой традиции связано с религиозным компонентом; 3) каждой традиции свойственна определенная институциональная структура, отражающая меняющиеся социально-политические условия. Наличие этих трех признаков является существенным подспорьем при проведении компаративного анализа. Но главное даже не в этом: некоторые интеллектуальные трансформа-

²⁸ В книге *“Historians of China and Japan”* есть главы, посвященные взаимодействию историков в XIX–XX вв., но они ограничены историками Китая и Японии; кроме того, книга довольно старая и поэтому в ней нет новой информации. Полную историографию по Южной Азии см.: *Historical Thinking in South Asia...*

²⁹ О более раннем периоде Латинской Америки см.: *Wilgus*. 1975; *Cañizares-Esguerra*. 2001. Сжатый обзор историографии колониального и постколониального периодов, в котором также обсуждается основная литература этих областей вплоть до 1980-х гг. см.: *The Cambridge History of Latin America...*

³⁰ См. обсуждение трансформации исторических исследований в Африке начиная с XIX в. (с обширными сносками на источники): *Miller*. 1999. P. 1–32. Также см.: 8-томное издание ЮНЕСКО *“General History of Africa”*, в котором есть обсуждение историописания в Тропической Африке; *Eckert*. 2002. P. 99–118.

³¹ Обзор традиции историописания в мусульманском мире см.: *Rosenthal*. 1968; *Duri*. 1983; также см. недавнюю работу: *Robinson*. 2003. Два более поздних и полных исследования см.: *Choueiri*. 1989; *Gershoni*. 2006.

ции, которые традиционно связываются с Западом и дальнейшей трансляцией их в незападные культуры, появились в этих регионах еще до колониального влияния; они отличались от страны к стране и в пределах каждой страны, но при этом обладали и определенными общими чертами³². Так, растущий акцент на критике источников появился в Юго-Восточной Азии задолго до западного влияния и был связан со стремлением пересмотреть неоконфуцианские трактатовки. С этой целью – аналогичной восстановлению греко-римской классической культуры ренессансными гуманистами – ученые периода Цин обратились к методам филологии, фразеологии, фонологии, этимологии и эпиграфики, надеясь извлечь первоначальное (а, следовательно, истинное) значение конфуцианской классики. И эта переориентация интеллектуальной культуры, охарактеризованная Бенджамином Элманом как движение «от философии к филологии»³³, оказала существенное влияние на изучение истории в этом регионе. «Возможно, в Европе этот процесс правильнее было бы описать как переход к филологии от теологии и религии, но в обеих культурах он включал в себя расширение светского мировоззрения настолько, что в Китае классические конфуцианские тексты, а на Западе Гомер и Библия все больше воспринимались не как канонические тексты, а как исторические источники. Эта новая концепция истории как строгой науки сопровождалась в обеих культурах профессионализацией исторических исследований».

Аналогичные процессы в определенной мере были свойственны исламским странам и даже Индии (где историописание традиционно считается «вторичным» дискурсом, привнесенным с Запада британцами); уже в XVII–XVIII вв. там обнаруживаются произведения (написанные преимущественно на телугском, тамильском, маратхском, персидском языках и санскрите), которые производят впечатление соответствия критериям современного историописания.

«Эти тексты отражают культуру письма в прозе, предназначенную скорее для коммуникации, чем просто регистрации. Присутствует интерес к числам, именам собственным и другим приемам, позволяющим авторам обеспечить фактическую точность. Опора на факты сама по себе становится ценностью. Стиль письма как в своем техническом, так и синтаксическом аспектах, наводит на мысль о представлении об истории как непрерывном потоке, где технические требования к композиции фактически неотделимы от концептуальных свойств времени и события. События не дискретны и не изолированы, а прочно и непременно связаны с предшествующими им и доступными пости-

³² Об интеллектуальных трансформациях в Индии XVIII века см.: *Malik*. 2002. P. 293–350.

³³ *Elman*. 2000; также: *Luo*. 2000; *Wang*. 2003. P. 74–95.

жению причинами и вытекающими из них последствиями. Акторы имеют сложную мотивацию и внутреннюю глубину, часто придающие богатый колорит в целом ироничному разворачиванию событий»³⁴.

Стоит отметить и другие черты, которые в разные периоды проявлялись в незападном мире независимо от западного влияния: стремление к нарративной форме изложения, интерес к локальной и региональной и даже (например, арабский мир) глобальным историям, политическим и назидательным функциям исторического нарратива, социокультурной истории. Например, как показывают современные исследования японской историографии, «история повседневности» (нем. *Alltagsgeschichte*; яп. *seikatsushi*) и «история ментальности» (фр. *Histoire de mentalité*; яп. *seishinshi*) в Японии были настолько же импортированы из Германии и Франции, насколько возвращены на японской почве³⁵. Все это свидетельствует об общих для людей способах проявления исторического сознания и явно нуждается в дальнейшей рефлексии.

В этой связи невольно вспоминается известное замечание Хейдена Уайта о том, что история – это западное изобретение, не являющееся культурной универсалией и экспортированное в те культуры, которые первоначально ее не имели³⁶. Думается, что с этим можно согласиться лишь частично, а именно только в том случае, если под историей понимать чисто научное предприятие, а также «последовательный процесс достижения научных, технологических и социальных успехов»³⁷, ибо исторические культуры, традиции историописания, историческое сознание присутствовали во многих культурах задолго до появления там западного влияния. В Восточной Азии и мусульманском мире от Магриба до Юго-Восточной Азии существовали устойчивые традиции исторической учености; в индуистской Индии существовала древняя письменная, а в субтропической Африке – устная историческая традиция. Даже там, где история не выделилась как жанр, историческое сознание существовало в принятых в культуре литературных формах. Другое дело, что, сталкиваясь с внешне сходными явлениями, надо помнить о том, что политические, экономические и социальные контексты их бытования и развития в разных историографических культурах сильно отличались и могли означать совсем не одно и то же. То есть важно не впасть в другую крайность и не преувеличивать черты сходства, когда мы сталкиваемся с похожими тенденциями.

³⁴ Rao, Schulman and Subrahmanyam. P. 136.

³⁵ Masaki. 2006. P. 3–92.

³⁶ Интервью с Хейденом Уайтом... С. 345.

³⁷ Iggers, Wang. Op. cit. P. 12.

Таким образом, книга Иггерса и Вана еще раз убеждает читателей в том, что современная историография насыщена множеством мифов. Один миф об Индии как регионе, якобы не имевшем исторической культуры, мы уже приводили. В качестве другого примера можно считать миф о том, что в Китае и даже шире – дальневосточном ареале – существовало только династийное историописание. Между тем, как свидетельствует текст анализируемой книги, это не дает полного представления о разнообразии традиций историописания в имперском Китае, потому что на всем протяжении имперского периода в этой стране постоянно присутствовал и частный интерес к написанию истории. Китайская традиция династийной истории никогда не была жестко закреплена и в феодальной Японии, отчасти потому, что до XVII века Япония вообще не была объединена единой династией.

Еще один миф – об одностороннем влиянии западной историографии на незападный мир вплоть до недавнего времени. Собственно, это влияние и принято называть расхожим термином «вестернизация». Между тем, очевидно, что любой диалог (культур, цивилизаций, историографических традиций и т.д.) – это не система для переливания крови, где возможно только однонаправленное движение. И «Муккадима» (Muqaddimah) Ибн Халдуна в этом смысле является прекрасным примером³⁸. Не следует забывать о том, что традиция западного историописания (как и любая историографическая традиция) существует в определенном историко-культурном контексте и не может ни являться нормативной для других культур и цивилизаций, ни рассматриваться в контексте превосходства западной исторической мысли. Впрочем, начиная с 1970-х гг., многие из историографических изменений тесно связаны именно с критикой культурной гегемонии Запада.

Наконец, Запад – это не гомогенный, а чрезвычайно гетерогенный феномен, и, на мой взгляд, попытка Иггерса и Вана показать недостаточность и а порой и некорректность противопоставления Запада другим цивилизациям, является одной из сильных и заслуживающих особого внимания сторон книги. Понятно, что речь идет не о том, чтобы отказать от признания общих типологических черт западной культуры³⁹ или возможности рассматривать ее в качестве идеального типа, в

³⁸ См.: Gates. 1967. P. 415–422, где приводятся доказательства влияния Ибн Халдуна на европейское мышление XVII века.

³⁹ Иггерс и Ван полагают, что большинство черт, которые принято считать отличительными при характеристике западной исторической мысли – линейное представление о прошлом, озабоченность вопросами эпистемологии, увлеченность квантитативными исследованиями и т.п. – являются не столько западными, сколько

том числе и для проведения компаративных исследований. Речь о другом – о недостаточности только такого рода противопоставлений при изучении взаимодействия историографических традиций. Несмотря на наличие общих черт в исторической мысли западных стран присутствует существенная вариативность, а порой и фундаментальные отличия как в проблематике исследований, концептуальном аппарате, так и в методологиях, не говоря уже о своеобразных политическом и интеллектуальном контекстах их бытования, а также определенной асинхронности в проявлении тех или иных историографических феноменов. Так, например, хорошо известно, что в то время когда на Востоке Европы после Второй мировой войны наблюдался постепенный отход от ортодоксального марксизма, в Западной Европе (во Франции, Италии и что особенно любопытно в Великобритании) проявлялась противоположная тенденция: с одной стороны, присутствовало ясное понимание того, что социализм как политическая система потерпел неудачу, и марксизм как философия исчерпал кредит доверия; с другой стороны, существовало убеждение в том, что марксизм поднял важные вопросы, касающиеся исследований по проблемам социальной истории, а следовательно, может быть полезен⁴⁰. Уверена, что любой специалист по истории западной исторической мысли может привести немало подобных примеров, в том числе и внутри западных и восточных историографических традиций. Еще один мало акцентированный аргумент в пользу гетерогенности Запада: мы мало задумываемся о том, сколько западных книг во всех областях знания в XIX в. и даже раньше было переведено на китайский, японский, корейский и, в меньшей степени, на фарси, арабский и турецкий языки, и как мало было переведено на те западные языки, которые не являются основными.

Поэтому, вероятно, пришло время задуматься о том, чтобы начать говорить не о западном влиянии, а именно о *западных влияниях*. Столь же разнообразной, по-видимому, была и рецепция этих влияний, ибо представление о монолитном Востоке является в рамках этой логики не менее стереотипным и идеологизированным, чем представление о го-

современными. «Они являются чертами современного мышления, свойственного сегодня многим незападным историкам, но не свойственного в той же мере историческому мышлению Запада в период средневековья или даже в классический период. Линейный подход и идея прогресса, озабоченность проблемой исторического познания – последнее присуще также восточноазиатским и мусульманским мыслителям – и поиск каузальных объяснений начинают обсуждать на Западе в XVIII веке, в то время как количественный подход к истории характерен для конца XX века и ни в коем случае не является общепринятым». – *Iggers, Wang*. P. 21–22.

⁴⁰ *Dworkin*. 1998. P. 599.

могенном Западе. Внутри так называемого Востока существуют существенные различия в религиозной, политической и прочих ориентациях: в Восточной Азии существуют корейская и японская традиции, которые, имея общий исток в лице классической китайской цивилизации, трансформировались, однако, в разную национальную специфику; в самом Китае в различные исторические периоды взаимодействуют конфуцианские, буддистские, даосистские и неоконфуцианские составляющие; в исламском мире этнолингвистические различия существуют между арабами, турками, иранцами и представителями Юго-Восточной Азии, между суннитами и шиитами.

Впрочем, вызов этим стереотипным представлениям уже был брошен в книге антрополога Эрика Вулфа «Европа и люди без истории»⁴¹, где он, опираясь на методику структурного анализа, показал, что четкое разделение на Запад и Восток, в конечном счете, становится непригодным, потому что культуры являются не «отдельными единицами», а «пучками отношений». Не менее четко эта мысль представлена и в работах современных практиков постколониальной историографии, особенно в «Ориентализме» Эдварда Саида⁴². Саид совершенно справедливо указал на упрощенность представлений, содержащихся в западных, особенно академических трудах, оправданно бросив вызов стереотипным представлениям о Востоке. При этом, однако, закономерно возникает вопрос о том, не представил ли сам Саид слишком упрощенную картину ориенталистских исследований? Он не затронул ни богатых традиций ориенталистских исследований в Германии и Соединенных Штатах, не имевших непосредственных колониальных интересов на Ближнем Востоке, ни вопроса о том, до какой степени подпадают под эту модель ориенталистские исследования во Франции или Великобритании.

Таким образом, постколониальная мысль, вероятно, также содержит в потенциале новый восточный стереотип Запада и в этом смысле идет по западным стопам. Впрочем, это объяснимо, если учесть, что большинство постколониальных историков и социальных теоретиков обучались на Западе или в созданных по западному образцу учебных заведениях и, стало быть, можно размышлять о том, что постколониализм воспроизводит западные точки зрения не в меньшей степени, чем незападные. В качестве типичного примера приведу работу японского историка Оцуку Хисао, в очередной раз повторившего европоцентристский тезис об «отсталости/стагнации» азиатской истории⁴³. Сказан-

⁴¹ *Wolf*. 1982. P. 23.

⁴² *Said*. 1978.

⁴³ *Conrad*. 1999. P. 67–83.

ное заставляет предположить, что одним из перспективных направлений историографических исследований в незападном мире должно стать изучение не только того, как Запад представляет Восток, но и изучение становления оксидентализма и критическое исследование его культурной репрезентации, с анализом сложных и парадоксальных результатов этого процесса в соответствующих контекстах⁴⁴.

Это, в свою очередь, подводит нас к другому важному вопросу: если по мере глобализации историческая мысль за пределами Запада все больше вестернизировалась и модернизировалась, то каковой была степень этой модернизации, и в какой мере можно говорить о разрывах с прежними традициями или преемственности с ними? Судя по книге Иггерса и Вана, западная историческая мысль никогда не теряла связи с прежними местными традициями, поэтому, по-видимому, четкого водораздела между современной и традиционной историографией в большинстве регионов мира просто не существует.

Так, например, несмотря на появление новых направлений исторических исследований в Восточной и Юго-Восточной Азии (гендерные исследования, изучение повседневности, социокультурные исследования и т.п.) во всех этих регионах все еще весьма сильна традиция официального историописания, или коллективного историописания под эгидой правительства, что является отличительной чертой историографической практики данного региона. Ярким примером может служить гигантский проект, инициированный не так давно в Китае, по составлению многотомной истории династии Цин, а также вьетнамский проект по написанию стандартного нарратива истории Вьетнама⁴⁵. То же можно наблюдать и в Японии (хотя в основном на уровне префектур или локальном уровне⁴⁶), и в Корее, где по-прежнему в исторических нарративах на полном серьезе фигурирует миф о Тан Гуна как прародителя корейского народа. Действительно, несмотря на вопиющее несоответствие между датами жизни Тан Гуна, согласно легенде и сохранившимся письменным источникам, которые относят их не далее как к I в. до н.э., корейские историки включают этот миф в свои нарративы по корейской истории. Впрочем, проблематика преемственности и разрывов в историографической практике столь же остро стоит и в западной историографии, которая отнюдь не развивается линейно, как это ранее было принято считать. Полагаю, что это сосуществование «нового» и «старо-

⁴⁴ См., напр.: *Tavakoli-Targhi*. 2001; Fleming. 2000. P. 1218–1233; *Findley*. 1998. P. 15–49; *Ahiska*. 1993; *Chen*. 1995; *Dirlík*. 1996. P. 96–118.

⁴⁵ *Pelley*. 2002

⁴⁶ *Masayuki*. 2000. P. 33–42.

го» вообще является характерной особенностью развития современной историографии и, по всей вероятности, останется таковой и в будущем.

Другой аргумент в пользу этого вывода заключается в том, что, несмотря на явную тенденцию к культивированию научной версии истории, на всем протяжении XIX–XX вв. никакого согласия по поводу природы истории и способа ее написания не было ни на Западе, ни в других ареалах. Напротив, в противовес доминирующим историческим подходам всегда существовали контр-движения. Все это заставляет предположить, что представление о последовательно сменяющихся в каждой стране, регионе и мире в целом исторических образах нуждается в коррекции и замене представлением об их одновременном сосуществовании, множественности существующих прошлых.

Например, ярким примером преемственности, вероятно, может служить живучесть национализма, ставшего неизбывным свойством историографии начиная с нового времени и заставляющего нас вновь обратиться к дискуссии между адептами универсального развития и национального своеобразия. В чем причина подобной живучести? Иггерс и Ван нигде прямо не отвечают на этот вопрос, констатируя только факт присутствия феномена национализма в историографических культурах последних двух столетий. Однако напрашивающийся после прочтения книги ответ заставляет обратиться к факторам, лежащим, на мой взгляд, гораздо глубже чисто политических причин. Национальная компонента исторического сознания везде оказывается тесно связанной с поисками идентичности, с противопоставлением себя «Другому», а следовательно неизбежно стереотипизированной, будь то стереотипы на уровне нации или региона (европоцентризм)⁴⁷. Не отличаются существенным разнообразием и основные проявления националистических проектов разных стран. Помимо уже отмеченных поисков идентичности (сущностных черт нации), они повсеместно сопровождаются проявлениями культурной исключительности, намерением превратить свой народ в нацию (доказав, кстати, при помощи истории длительность и непрерывность ее существования), на основе которой инициируется создание национального государства⁴⁸. И скорее всего в ближайшей перспективе призыв некоторых историков «спасать историю от нации» вряд ли может быть реализован в полной мере.

Однако хотя национальная историография и не сошла полностью с историографической сцены, можно согласиться с Н. З. Дэвис в том,

⁴⁷ См. интересные рассуждения на эту тему: *Вжозек*. 2008. С. 189–191.

⁴⁸ См. об этом также: *Касьянов*. 2008. С. 195–196.

что уже не она определяет «рамки исторического нарратива»⁴⁹. И это возвращает нас к тому, с чего собственно и начинались наши размышления, а именно к особенностям современного глобального историографического анализа. Современное понимание глобальной историографии, конечно, должно подразумевать (а не исключать) наличие множества национальных / локальных вариантов и траекторий их развития, делая упор на их уникальность и разнообразие. Но это понимание должно отличаться от прежних линейных и европоцентристских в своей основе схем, заменяя их живым взаимодействием и комбинацией глобальной, региональной и локальной парадигм сравнительного историографического исследования. Ибо каждая из них не может быть осмыслена без других. Глобальная история историографии явно пересекает национальные, региональные и даже локальные контексты, акцентирует внимание на существовании множества взаимосвязей, взаимодействий, взаимовлияний между сравниваемыми историографическими традициями и культурно-историческими контекстами их бытования. Глобальную историографию не могут не интересовать каналы и посредники такого диалога. Наконец, такая историография не может твориться в дисциплинарных рамках и стремится к интегративной исследовательской программе, ориентированной на максимальное использование междисциплинарных связей, ибо особенности предмета глобальной историографии и формулируемые в его рамках задачи и проблемы в принципе не могут быть осмыслены в дисциплинарных рамках.

Происходящая в последние десятилетия глобализация требует таких подходов, которые принимали бы во внимание основные направления перемен, происходящие в том мире, в котором мы жили и живем, «признания различных темпоральностей и пространств, другими словами, наличия различных взглядов на мир, сохраняющихся несмотря на мощную тенденцию к гомогенизации»⁵⁰. Сегодня еще слишком рано говорить о том, приведут ли различные попытки написать глобальную историографию к существенной трансформации этой дисциплины. Но многое уже указывает на необходимость призыва к новому подходу к историописанию, такому, который выходил бы за пределы устоявшейся дихотомии Запад/не-Запад и зафиксировал перемены в историописании в многополюсной, глобальной перспективе, признавая, что импульсы к появлению этой перспективы поступали из разных источников и разных уголков земного шара⁵¹.

⁴⁹ Davis. 2000.

⁵⁰ Dirlik. 2003. P. 133.

⁵¹ Iggers, Wang. Op. cit. P. 394.

БИБЛИОГРАФИЯ

- A Place in the World: New Local Historiographies from Africa and South-Asia / Ed. by Axel Harnett-Sievers. Leiden, 2002.
- Ahiska, Meltem.* Occidentalism: The Historical Fantasy of the Modern // *The South Atlantic Quarterly*. Vol. 102. № 2/3. Spring/Summer 2003. P. 351–379.
- Appadurai, Arjun.* *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minnesota, MN, 1996.
- Bentley, Jerry H.* *Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship*. Washington, DC, 1996.
- Bentley, Jerry H.* *The New World History // A Companion to Western Historical Thought* / Ed. by Lloyd Kramer and Sarah Maza. Maiden, MA, 2002. P. 393–416.
- Bentley, Jerry H.* *World History // A Global Encyclopedia of Historical Writing* / Ed. by Daniel Woolf. New York, 1998. P. 968–970.
- Butterfield, Herbert.* *Historiography // Dictionary of the History of Ideas*. New York, 1973. Vol. 2. P. 464–498.
- Cañizares-Esguerra, Jorge.* *How to Write the History of the New World: Histories, Epistemologies, and Identities in the Eighteenth-Century Atlantic World*. Stanford, 2001.
- Chakrabarty, Dipesh.* *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, NJ, 2000.
- Chen, Xiaomei.* *Occidentalism: A Theory of Counter-Discourse in Post-Mao China*. New York: Oxford, 1995.
- Choueiri, Youssef M.* *Arab History and the Nation-State: A Study in Modern Arab Historiography 1820-1980*. London and New York, 1989.
- Conrad, Sebastian.* What Time is Japan? Problems of Comparative (Intercultural) Historiography // *History and Theory*. 1999. 38:1. P. 67–83.
- Davis, N. Zemon.* *Disscussant's comment // Proceedings acts: Reports, abstracts and round table introductions // 19th International Congress of historical science, 6-13 August, 200. Oslo 2000.* – 464 p.
- Dirlik, Arif.* Chinese History and the Question of Orientalism // *History and Theory*. 1996. 35:4. P. 96–118.
- Dirlik, Arif.* *Confounding Metaphors, Inventions of the World: What is World History For? // Writing World History, 1800-2000* / Ed. by Benedikt Stuchtey and Eckhardt Fuchs. Oxford, 2003.
- Duri A. A.* *The Rise of Historical Writing among the Arabs* / Ed. and tr. Lawrence I. Conrad. Princeton, NJ, 1983.
- Dworkin, Dennis.* *Marxism and Historiography // Global Encyclopedia of Historical Writing* / Ed. by D. Woolf. 2 vol. New York, 1998. P. 599.
- Eckert, Andreas.* *Historiography on a Continent without History: Anglophone West Africa, 1880–1940' // Across Cultural Borders: Historiography in Global Perspective* / Ed. by Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey. Lanham/Boulder, CO, 2002. P. 99–118.
- Elman, Benjamin A.* *From Philosophy to Philology: Intellectual and Social Aspects of Change in late Imperial China*. Los Angeles, CA, 2000.
- Encyclopedia of Historians and Historical Writing* / Ed. by Boyd Kelly. London, 1999.

- Findley, Carter Vaughn.* An Ottoman Occidental in Europe: Ahmed Midhat Meets Madame Gulnar, 1889 // *American Historical Review*. 1998. 103:1 (December). P. 15-49.
- Fleming K. E.* Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography // *American Historical Review*. 2000. 105:4 (October). P. 1218-1233.
- Fueter, Eduard.* Geschichte der Neuren Historiographie. Leipzig, 1911.
- Gates, Warren E.* The Spread of Ibn Khaldun's Ideas on Climate and Culture // *Journal of the History of Ideas*. 1967. 28:3 (July-September). P. 415-422.
- General History of Africa. London, 1978-2000.
- Gershoni, Israel.* Middle East Historiographies: Narrating the Twentieth Century // Ed. by Amy Singer and Y. Hakan Erdem. Seattle, IL, 2006.
- Globalization in World History / Ed. by Hopkins, Anthony G. London, 2002.
- Gooch, George Peabody.* History and Historians in the Nineteenth Century. London, 1913.
- Historians of China and Japan / Ed. by W. G. Beasley and E. G. Pulleyblank. Oxford, 1961.
- Historical Thinking in South Asia: A Handbook of Sources from Colonial Times to the Present / Ed. by Michael Gottlob. Oxford, 2003.
- Hopkins, Anthony G.* The History of Globalization – and the Globalization of History? // Globalization in World History / Ed. by Hopkins. London, 2002. P. 11-46.
- Iggers, Georg J., Wang, Q.* Edward with contributions from Supriya Mukherjee. A Global History of Modern Historiography. Longman, 2008.
- Lexikon Geschichtswissenschaft / Ed. by Stefan Jordan. Stuttgart, 2002.
- Luo, Bingliang.* 18 shiji Zhongguo shixue de Шип chengjiu (Теоретические успехи китайской историографии в XVIII веке). Beijing, 2000.
- Making Sense of Global History / Ed. By Solvi Sogner. Oslo, 2001.
- Malik, Jamal.* Mystik: 18. Jahrhundert // Die muslimische Sicht (13. bis 18. Jahrhundert) / Ed. by Stephan Conermann. Frankfurt am Main, 2002. P. 293-350.
- Manning, Patrick.* Navigating World History: Historians Create a Global Past. N.Y., 2003.
- Masaki, Hirota.* Pandora no hako: minshū shisōshi kenkyū no kadai (Ящик Пандоры: Вопросы в исследовании истории общественного менталитета) // Nashonaru. Hisutori o manabi suteru (Забывая национальная история) / Ed. by Sakai Naoki. Tokyo, 2006. P. 3-92.
- Masayuki, Sato.* The Two Historiographical Cultures in Twentieth-century Japan // Assessment of Twentieth-century Historiography. Professionalism, Methodologies, Writings / Ed. by Torstendahl R. Stockholm, 2000. P. 33-42.
- McNeill, William H.* The Rise of the West: A History of the Human Community. 1963.
- Miller, Joseph C.* History and Africa / Africa and History // *American Historical Review*. 1999. 104. P. 1-32.
- Nandy, Ashis.* History's Forgotten Doubles // *History and Theory*. 1995. 34. P. 44.
- O'Brien, Patrick.* Historiographical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // *Journal of Global History*. 2006. 1:1. P. 3-39.
- Pelley, Patricia M.* Postcolonial Vietnam: New Histories of the National Past. Durham, NC, 2002.
- Rao V. N., Schulman David and Subrahmanyam Sanjay.* Textures in Time: Writing History in South Africa. 1600-1800. N.Y., 2003.
- Robinson, Chase F.* Islamic Historiography. Cambridge, 2003.
- Rosenthal, Franz.* A History of Muslim Historiography. Leiden, 1968.

- Sachsenmaier, Dominic.* Global History and Critiques of Western Perspectives // Comparative Education. Vol. 42. No. 3. August 2006. P. 451–470.
- Sachsenmaier, Dominic.* Global History: Global Debates // Geschichte Transnational. 2004. 3:3.
- Said, Edward.* Orientalism. New York, 1978.
- Tanaka, Stefan.* Japan's Orient: Rendering Pasts into History. Berkeley, CA, 1993.
- Tavakoli-Targhi, Mohamad.* Refashioning Iran: Orientalism, Occidentalism and Historiography. Basingstoke, 2001.
- The Cambridge History of Latin America. Vol. 11. Bibliographical Essays / Ed. by Leslie Bethell. Cambridge, 1995.
- Völkel, Markus.* Geschichtsschreibung: Fine Einführung in globaler Perspektive. Köln, 2006.
- Wang Q. Edward.* The Rise of Modern Historical Consciousness: A Cross-Cultural Comparison of Eighteenth-Century East Asia and Europe // Journal of Ecumenical Studies. XL:1-2 (Winter-Spring, 2003). P. 74–95.
- White, Hayden.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, MD, 1973.
- Wilgus A. Curtis.* The Historiography of Latin America: A Guide to Historical Writing, 1500–1800. Metuchen, NJ, 1975.
- Wolf, Eric.* Europe and the People without History. Berkeley, CA, 1982.
- Woolf, Daniel.* Historiography // New Dictionary of the History of Ideas. Farmington Hills, MI, 2005. Vol. 1. xxxv-lxxxviii.
- World Historians and their Critics / Ed. by Philip Pomper, Richard H. Elphick and Richard T. Vann. Middletown, CT, 1995.
- World History: Ideologies, Structures, and Identities / Ed. by Pomper Philip, Elphick Richard H. and Vann Richard T. Maiden, MA, 1998.
- Вжозек В.* Историография как носитель национально националистической идеи // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 189–191.
- Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. № 14. М.: URRS, 2005. С. 335–346.
- Касьянов Г. В.* Национальный нарратив: канон и его соперники: постсоветское пространство, 1990–2000 годы // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 195–196.
- Посохов С. И.* Многоликая историография: образы историографии как научной и учебной дисциплины // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 243–245.
- Репина Л. П.* Всемирная история как история глобальная // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 177–179.
- Сидорова Т. Н.* Историография как интеллектуальная история: проблемы междисциплинарности и контекста // Историческая наука сегодня. М., 2011. С. 593–601.

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, докторант Института всеобщей истории РАН; vorobusheki@yandex.ru